

Александра Лисина

АРТУР РЭЙШ

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

ТЕМНЫЙ МАГ

Часть 1

Артур Рэйш

Александра Лисина

Темный маг

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лисина А.

Темный маг / А. Лисина — «Автор», 2019 — (Артур Рэйш)

В столице Алтории по-прежнему беспокойно: ритуальные убийства, жертвоприношения, невесть откуда взявшиеся тела и невесть куда подевавшиеся души... все сплелось в чудовищном клубке интриг, под тяжестью которых прогибается даже время. Но награда за победу велика. И немало найдется желающих за нее побороться. Однако найти ведущую к разгадке ниточку удастся далеко не каждому. И только боги знают, что на это способен лишь настоящий темный маг.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лисина А., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александра Лисина

Артур Рэйш 7. Темный маг

Пролог

В Алтире шел дождь. Затяжной, нудный, порой даже с крупными пузырями на лужах. Начавшись полторы недели назад, он разогнал всех прохожих с улиц и погрузил город в унылые сумерки. Зато после изматывающей жары в столице наконец-то похолодало. Булыжные мостовые перестали походить на раскаленные сковородки. Разлившиеся на них лужи местами достигли внушающих уважение размеров. Однако на темной стороне начало лета ознаменовалось лишь продолжительным снегопадом, который укутал мерзлую землю белым пуховым покрывалом.

– Скучаешь? – вкрадчиво поинтересовалась темнота у меня за спиной.

Я улыбнулся краешком рта.

– Жду. Ты ведь предвещала скорую встречу?

Мою спину обдало легким ветерком, а затем над самым ухом раздался тихий смешок.

– И все-таки ты слишком дерзок для мага, – с притворным огорчением заметила Смерть, подобравшись вплотную. – Надо бы наказать тебя за непочтительность... но я подожду. О чем ты хотел спросить?

Я глянул вниз, на далекую площадь, которую созерцал из окна башни городской ратуши, и оперся плечом на полуразвалившуюся стену.

– Тебе известно, кто так настойчиво пытается открыть дорогу нежити в реальный мир?

– Почему я должна это знать?

– В последнее время граница стала нарушаться слишком часто, – уронил я. – Тьма волнуется. А те, кто раньше обитал на самом ее дне, стали подниматься на поверхность. Тебе не кажется это странным?

Смерть издала новый смешок.

– Тьма – это владения Фола, Артур. Его и надо об этом спрашивать. Но я бы на твоём месте не удивлялась – в последнее время некоторые из магов начали привлекать к себе слишком много внимания.

– Ты что-то знаешь о Поводыре? – насторожился я.

– Немного. Пограничные сущности, утратившие право называться живыми, но еще не ставшие по-настоящему мертвыми, меня не интересуют. Но на глубине таких обитает немало. И не все из них столь же велики и неповоротливы, как Поводырь. Хотя в отношении конкретно него ты прав – такая древняя тварь не должна была подниматься на поверхность. Поводырь слишком грузен для тех слоев, что доступны, к примеру, тебе. И если он решил всплыть, то лишь потому, что кто-то указал ему на достойную добычу.

– Ты знаешь, кто его призвал?

– Нет. – Мне показалось, что Леди в белом качнула головой. – Мне известно лишь о тех, кто уже мертв. А твой враг определенно находится среди живых. И он знает о тебе достаточно, чтобы опасаться.

Я помолчал.

– Как считаешь, почему именно Поводырь?

– Мертвыми легко управлять, – усмехнулась Смерть. – Гораздо легче, чем живыми. Даже для Поводыря нашлась своя приманка, а ведь он стар... и очень силен. Быть может, даже сильнее, чем некоторые боги. Тем не менее твой враг нашел способ и его сделать послушным, заставив выполнять работу, на которую у него самого не хватило времени или сил.

– Исходя из твоих слов, мне стоит повнимательнее присмотреться к коллегам, способным, как и я, подолгу находиться на темной стороне...

– Присмотрись ко всем, – негромко посоветовала Смерть. – Иногда ответы находятся совсем не там, где их ищут.

Я только хмыкнул: вот прямо обожаю иносказания и обтекаемые формулировки! Затем ощутил легкое прикосновение к щеке и на всякий случай прикрыл глаза, но Смерть уже уходила. Только слабым ветерком обдула затылок, словно прощаясь, после чего ощущение чужого присутствия исчезло, и я вновь остался в ратуше один.

– Что ж, по крайней мере, одно мы выяснили точно, – пробормотал я, стирая со шлема выступивший иней. – У меня есть живой и неплохо подкованный в темном искусстве враг. Но если он живой, значит, это человек. А раз он смертен, следовательно, его можно убить.

Глава 1

– Народ, у нас проблема, – сообщил я, с трудом забросив на постамент тяжелый каменный осколок. – Надо придумывать другой способ сборки, потому что этот скоро станет бесполезным.

Нырнувший за новым обломком серебристый ручеек удивленно булькнул и выплянул наружу. А когда я указал ему на «проблему», Ал выбрался из-под камней целиком и принял человеческий вид.

Две недели интенсивной работы даром не прошли – за это время мы успели собрать статую Фола до колен. И это было хорошо. Но поскольку высотой она теперь доставала мне до плеча, то всего через пару-тройку рядов я уже не смогу забрасывать камни наверх.

По достоинству оценив возникшую трудность, алтарь снова озабоченно булькнул и надолго завис, пытаясь найти решение. Я его понимал – дерево на темной стороне разрушалось довольно быстро, а на нижнем слое, как я недавно выяснил, **ОЧЕНЬ** быстро, так что о деревянной лестнице можно было забыть. Строить ее из камня? В принципе возможно. Но это требовало времени и сил – это раз. И два – я сильно сомневался, что мы наскребем по округе достаточное количество материала, чтобы выстроить леса до самого потолка, да еще и сумеем сделать их надежными. Подъемный механизм тоже отпадал – он требовал применения веревок, а они сгнивали здесь еще быстрее, чем дерево. Разве что использовать кожаные ремни? Хм, в общем-то неплохой вариант. Осталось придумать, как и на чем их закрепить. И сделать так, чтобы они удержали вес осененных божественной благодатью камней.

– Перекур? – предложил я, когда Ал перевел на меня растерянный взгляд.

Мой «зеркальный» приятель замедленно кивнул. После чего совсем уж человеческим жестом поскреб серебристый затылок и снова в задумчивости уставился на нашу общую проблему.

Я же, отступив в сторону, уселся прямо на пол и принялся разминать затекшую шею.

День был долгим, работать мы начали вскоре после завтрака, а сейчас, если мое ощущение времени верно, в верхнем мире должно было уже темнеть. Передышку нам сегодня понадобилось сделать трижды, потому что Ал по-прежнему не справлялся с нагрузкой, а в последние полторы свечи мне пришлось взять часть его работы на себя, так что в итоге мы вымотались оба.

Пользуясь тем, что в зеркальной броне холод нижнего слоя не доставлял никакого беспокойства, я прислонился спиной к стене и с любопытством взглянул на сидящую посреди храма куклу. В эти дни Мэл вел себя осторожнее, чем обычно, почти все время молчал и старался лишний раз не показываться на глаза. А принесенную мною новую кожаную одежду хоть и надел, но без особого энтузиазма. И, судя по тому, что за последнее время он опять подрос, вскоре ее снова придется менять.

Сейчас бывший Палач был занят тем, что размеренно и методично водил лезвием своей секиры по выросшему из лужи точильному «камню». После того как Ал перестал обжигать моего служителя и разрешил беспрепятственно перемещаться по храму, это стало любимым занятием духа. Вот и сегодня Мэл всю первую половину дня занимался сперва одной рукой, доводя лезвие до бритвенной остроты, а теперь терпеливо и умело затачивал вторую.

Осторожно коснувшись поводка, я почувствовал идущее от куклы слабое, едва уловимое удовлетворение, какое бывает после хорошо проделанной работы, и Мэл, словно почувствовав, быстро поднял голову. Мы на мгновение пересеклись взглядами, поводок ненадолго напрягся, но быстро опал, словно Мэл хотел что-то сказать, но неожиданно передумал.

Я, если честно, не понимал, что с ним происходит. Убедившись, что избавляться от него не планируют, Мэл неожиданно стал замкнутым, молчаливым и подчеркнуто послушным.

Рослый, обзаведшийся полноценным рельефным торсом и достававший мне уже по середину бедра дух почти все свободное время проводил теперь на нижнем уровне. В доме я его в эти две недели вообще не видел. Во время выходов в город он умело прятался. Но при этом, куда бы я ни пошел, Мэл неотступно следовал за мной по пятам, методично убивая любую нежить, которая попадалась поблизости.

Более того, я стал замечать, что мой новый дух начал умышленно отстраняться от поводка и, как мне казалось, давил в себе любые проявления эмоций. Иначе говоря, снова превращался в ту самую бездушную машину для убийств, которую я один раз уже уничтожил.

И меня это не устраивало.

С криканием поднявшись, я подошел к настороженно взирающей снизу вверх кукле и, скрестив ноги, уселся напротив. Так, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне.

– Что ты о себе помнишь?

От простого вопроса Палач самым неожиданным образом растерялся. Паучьи ноги, наполовину погруженные в серебристую жижу, нервно переступили, издав приглушенный шелчок. Руки-лезвия опустились, макнув кончиками в расплавленное серебро. Не до конца отросшие пальцы второй пары рук сжались в кулаки. После чего мой новый служитель настороженно спросил:

– Что ты хочешь знать?

Говорил он тихо, все еще немного пришепечывая, но понять его было можно без особого труда.

– Все, – спокойно ответил я. – В том числе и то, кто тебя создал и как именно ты стал таким, как сейчас.

Мэл вновь тревожно переступил лапами.

– Я мало помню. Особенно то, что было в последние годы.

– Но меня-то ты вспомнил?

– Тебя сложно забыть, – согласился Палач. – Это ведь ты меня убил.

Я хмыкнул.

– Так ты поэтому не хотел возвращаться? Зазорно служить убийце?

– Нет, – неожиданно качнул головой он. – Я помнил о тебе с первого дня, как осознал себя заново. И решение служить принял осознанно.

– Хм... прости, я не понял: ты САМ выбрал, кому будешь служить?

– Существо моей специализации нужен хозяин, – спокойно подтвердил Палач. – Без этого я не способен нормально функционировать.

– В каком смысле?

– В прямом. Тебе знаком термин «безумие»?

Я ошарашенно воззрился на служителя. Но Мэл ответил все таким же спокойным взглядом. При этом поводок между нами внезапно напрягся, задрожав, как натянутая струна. И, нутром ощутив, что за этим напряжением кроется нечто гораздо большее, чем простая тревога, вслух я сказал лишь одно:

– Поясни.

Палач помолчал, а затем начал говорить, тщательно подбирая слова.

– Когда меня создали, я знал и понимал лишь одну функцию – выполнять приказы. Мне говорили «убей», и я убивал. Говорили «найди», и я находил то, что просили. Хозяин сперва был один. Затем другой, третий. Убивать приходилось часто, и с годами количество заказов только росло. Но со временем я обнаружил, что с каждой новой смертью сила чужих приказов становится все слабее... Это сложно объяснить, – тихо добавил Мэл, шелкнув костяшками лап. – Сперва, когда звучал приказ, я не мог ни о чем думать. Стремление исполнить волю хозяина было так велико, что это занимало все мои мысли. Когда задание было выполнено, я засыпал и снова ни о чем не думал. А когда просыпался, то старый приказ забы-

вался, и все начиналось сначала. Но потом мой сон стал короче и тревожнее, наступал не сразу и был не настолько глубоким, чтобы я успел все забыть. В какой-то момент я осознал себя вещью. Затем я понял, что меня считают опасной вещью. Еще через какое-то время в моей голове появились первые вопросы. А потом я услышал голоса...

– Ты начал слышать Тьму? – недоверчиво переспросил я, и Мэл невесело кивнул.

– Каждое пробуждение. Куда бы я ни пошел, что бы ни делал, они сопровождали меня неотступно. Сперва это был обычный шепот, затем громкая речь, а после – уже почти крик, который утихал, лишь когда я выполнял очередной заказ.

Я нахмурился:

– Хочешь сказать, голоса уходили, когда ты кого-нибудь убивал?

– На время. Но когда оно заканчивалось, они возвращались с удвоенной силой.

И однажды настал момент, когда даже сон перестал меня спасать.

Я помолчал, вспоминая встречу с Уэссеском и свои первые выводы о Палаче.

Получается, некросы где-то напортачили, когда создавали новый вид духа-служителя. Палач и впрямь получился сильным, выносливым, почти неуязвимым для обычного оружия, но при этом, как ни парадоксально, он оказался плохо приспособлен к Тьме. Раз уж он начал слышать голоса, раз не сумел справиться с неумолимо подступающим безумием... что-то точно пошло не так. А ведь, наверное, он пытался бороться. Самым простым из доступных ему способов. Заметив, что каждая новая смерть приносит облегчение, он, естественно, взялся за секиры и принялся искать в окружении хозяев тех, кого мог, не нарушая приказа, убить. Поначалу это были нечестные на руку партнеры, затем мелкие воришки, хамы и, наконец, просто бедолаги, которым не повезло расстроить хозяина.

Вот, выходит, в чем была истинная причина ослабления поводка?

– Ты кому-нибудь об этом говорил? – спросил я, заново осмыслив свое представление о Палаче.

Мэл качнул головой:

– Хозяин не приказывал говорить.

– Но он же следил за твоим состоянием. Как можно было упустить момент, когда ваша связь нарушилась?!

– Хозяева были слабы, – едва заметно пожал плечами Палач. – Некоторые вообще не слышали голосов. А голоса со временем стали такими громкими, что однажды я перестал слышать своих хозяев.

Я нахмурился еще больше.

Если голоса мучили его так же, как в свое время меня, то за годы пребывания на темной стороне не имеющий от них защиты дух и впрямь мог сойти с ума. Руки бы оторвать тем умникам, кто его создал... вместе с головой. Только подумайте, сколько бед способна натворить огромная, бесстрастная, умеющая перемещаться с устрашающей скоростью и не ведающая сомнений тварь? А если она при этом еще и безумна? Более того, сама понимает, что сходит с ума, отчаянно не желает этого, пытается бороться и вынуждена постоянно искать повод кого-то убить?!

Взглянув на Мэла совсем другими глазами, я тихо спросил:

– Что было после того, как Тьма поглотила тебя полностью?

– Не помню, – так же тихо ответил Палач. – Но потом появился ты, и Тьма рассеялась.

Поэтому я пошел за тобой.

– Ты надеялся, что это поможет сохранить рассудок?

– С тобой я почти не слышу голосов, – признался он. – Тьма отступает, когда ты рядом. Я снова мыслю, порой даже чувствую себя живым. Хотя и сейчас память вернулась ко мне не полностью.

– Что же именно ты хочешь вспомнить?

– Себя, – отвел взгляд Мэл. – Хочу понять, кем я был до того, как стал Палачом. Я вздрогнул.

Что значит, кем был?! Обычно, если мы находим свободного духа, он и так прекрасно знает, кто он. Он мыслит, помнит свою прошлую жизнь и соглашается на служение добровольно, иначе его будет трудно удержать. Да, порой это магов не останавливало. И чисто теоретически если найти заблудившегося духа, а затем лишить его памяти... если внушить ему, что он – бессловесный раб, а затем превратить в послушную куклу... то возможно все. Даже то, что Тьма однажды достучится до усыпленного некросами разума и, вместо того чтобы пробудить, заставит его сойти с ума.

Да, мы давно уже не привлекаем к работе мертвых насильно, потому что, даже став духом, человек сохраняет право на свободу воли и принятие решений. Более того, чтобы его удерживать, надо специально подгадывать с заклинанием в момент смерти. А когда это проще всего сделать? Правильно, когда именно в твой руке зажат ритуальный кинжал. Но если с Палачом поступили именно так, то тогда становится понятной его забывчивость и неудержимая страсть к зеркалам. Переборов во Тьме заклинание *забвения* и осознав себя как личность, он, судя по всему, однажды задался вопросом, кто же он такой. Откуда взялся. И почему выглядит безликой тварью, способной своим видом отпугнуть кого угодно. Наверное, поэтому он так старательно собирал чужие лица вместо трофеев – просто искал среди них свое собственное лицо! Много десятилетий искал! Но, будучи безумным, не пытался сотворить его заново, а раз за разом лишь надевал на себя чужую кожу, как будто это могло спасти его личность от разрушения.

– Ты думаешь, что когда-то был человеком? – совсем тихо спросил я, только сейчас в полной мере осознав, с кем мне довелось столкнуться.

Мэл бесстрастно кивнул.

– Мои воспоминания обрывочны, момента смерти я вообще не помню, но, думаю, я был магом. Возможно, даже темным. И очень хотел бы знать, кто и за что так со мной поступил.

Когда мы покинули первотхрам, в реальном мире царила ночь.

Не желая привлекать к себе внимание, я уже давно возвращался на привычный слой не сразу, а сперва уходил из центра города и только потом всплывал наверх. Так было безопаснее. И меньше риска наткнуться на жрецов. А ну а то, что при этом нам приходилось кружить по призрачному Алтиру... что ж, зато мы с Мэлом побывали почти во всех крупных кавернах. И вычистили их от нежити, сделав темную сторону столицы гораздо чище и намного спокойнее.

Сегодня мы тоже планировали прогуляться по городу и заодно продолжить изучение скрывавшихся под ним подземелий. Но Фол спутал нам все планы – стоило мне покинуть каверну, как метка на левом плече заметно нагрелась, а затем я с удивлением осознал, что верхний храм не пустует. Более того, там что-то происходит. Поэтому я отпустил Палача на охоту, а сам направился в главную залу, где перед статуей владыки ночи обнаружилось сразу несколько интересных призраков.

Гуляя по нижнему слою, я уже не раз видел жрецов – на этом слое служители Фола выглядели как сгустки Тьмы. Но не густой и плотной, как на более высоком уровне, а словно бы размытой, блеклой и совсем не похожей на те блестящие «чернила», которые я привык видеть.

Сегодня у алтаря Фола находилось сразу трое жрецов: двое обычных темных, стоящих по обе стороны алтаря, а третий – тот, что находился напротив статуи, – был наполнен Тьмой гораздо больше остальных, из чего я заключил, что в храм наконец-то вернулся отец-настоятель. Где уж он пропадал на протяжении нескольких недель, я не знал, а спрашивать не захотел. Мало ли какие дела могли быть у отца Гона за пределами Алтира? Но вот то, что рядом с ним находилось несколько магов, было уже интересно.

Окруженных скромным ободком темной ауры призраков оказалось двое – один поменьше ростом и поизящнее, второй, напротив, повыше и помассивнее. Видимо, мужчина и женщина. Причем стояли они так, словно между ними находился кто-то третий. Возможно, светлый, чью ауру я не мог разглядеть с нижнего слоя. Или же простой человек, которого зачем-то пустили на проводимый в храме ритуал.

То, что это был именно ритуал, я понял, когда жрецы молитвенно сложили руки на груди и отступили в тень, а отец-настоятель опустился перед алтарем на одно колено и низко склонил голову, при этом безостановочно шевеля полупрозрачными губами. Звуков до меня, естественно, не доносилось, поэтому о происходящем можно было лишь догадываться. Но когда женщина-маг сделала жест, словно подталкивала вперед невидимку, затем подошла к нему со спины и властно положила руки ему на плечи, а Тьма вокруг них заволновалась, до меня наконец дошло – да это же посвящение! И, кажется, я уже знал, над кем его могли проводить!

Отступив за колонну, я осторожно поднялся на верхний уровень, изменил угол наклона линз, чтобы можно было видеть лица, и еще осторожнее выглянул.

Ну, конечно! Перешедший на темную сторону отец Гон, бормочущий молитву на лозийском. Двое его помощников, едва слышно повторяющие слова за настоятелем. Отчетливо сгустившаяся Тьма вокруг статуи Фола. Напротив нее – полупрозрачная, окруженная светлым ореолом тень, в которой я с некоторым трудом признал Нельсона Корна. Еще дальше белесыми «призраками» виднелись герцог Искадо с братом. А перед самым алтарем стоял тепло одетый мальчишка, которого привела во Тьму и настойчиво там удерживала леди Лора Хокк, которую я, если честно, вообще не ожидал здесь увидеть.

Неужто Корн посчитал, что лучшего учителя для мальчишки не найти? У Хокк ведь уже есть ученица! Или ей доверили только провести Роберта на темную сторону, тогда как его настоящим учителем будет не она, а господин Эрроуз? Вон он, стоит чуть дальше и внимательно следит за ходом ритуала. Впрочем, его могли пригласить просто для массовки. И на случай, если мальчишке внезапно схудится, а Лора не сумеет удержать контроль над ситуацией.

Убравшись обратно за колонну, я призадумался над причинами, которые побудили Фола позвать меня на обряд.

То, что Корн все-таки прислушался к моему совету, было хорошо. А вот то, что он привел сюда светлых, уже не очень, потому что темные обряды – это дело исключительно жрецов и претендентов на посвящение. Но думаю, герцог Искадо проявил особую настойчивость в этом вопросе, а лорд Аарон Искадо вряд ли согласился бы отпустить сюда сына без твердой уверенности, что с ним ничего не случится.

Глупо, конечно. Если и случится, то маги все равно не помогут. Однако раз отец Гон посчитал присутствие родственников на обряде допустимым, значит, это не противоречило правилам храма.

Неожиданно заметив, что поверх моей брони так и остался зеркальный доспех, я поскреб ногтем нагрудную пластину и едва слышно бросил:

– Ал, ты привлекаешь внимание.

Поверхность «сопли» тут же стала темной, как ночь, но сама броня никуда не делась. И это, мягко говоря, напрягало. Прекрасно помня, в какую ловушку загнал меня алтарь в прошлый раз, я не испытывал ни малейшего желания снова оказаться запертым в металлическом гробу, поэтому настойчиво постучал по доспеху костяшками пальцев.

– Ал, возвращайся. Верхний уровень не для тебя, помнишь?

Вместо ответа доспех замерцал и неожиданно... исчез. Прямо со мной вместе. И я едва не вздрогнул, когда обнаружил, что внезапно остался не только без руки, но и без остального тела. В том смысле, что неожиданно перестал его видеть. Шум, правда, поднимать не стал – только задумчиво повертел невидимой рукой и пробежался такими же невидимыми пальцами по нагрудной пластине – если верить ощущениям, все было на месте. Даже секира, которая

возникла в руке по первому же требованию. Причем невидимая секира, потому что алтарь зачем-то растянул «соплю» и на нее. И, судя по всему, больше не планировал оттуда исчезать.

«Ладно, завтра спрошу», – подумал я, убедившись, что каменеть или лишать меня подвижности иным способом броня не торопится. После чего снова выглянул из-за колонны. А затем, решив использовать неожиданный подарок, спокойно вышел на открытое место и встал так, чтобы видеть все детали проводимого ритуала.

Не скрою, мне было любопытно узнать, что из этого выйдет и примет ли Фол такого странного адепта. Все-таки мальчишка, да еще светлый... вон, остатки ауры болтаются... значит, его дар еще не угас до конца. Сомнительное приобретение для темного бога, если честно. Но у Фола, как всегда, имелось собственное мнение.

Когда сгустившаяся вокруг статуи Тьма ожила, я буквально кожей почувствовал, как по мне скользнул чужой, безумно тяжелый и отнюдь не равнодушный взгляд. У меня аж спина взмокла от ощущения таившейся в этом взгляде нечеловеческой силы. Однако назад я не отступил. Ничего, не в первый раз. Выживу.

Взгляд тем временем скользнул дальше и, судя по тому, как замер Роберт Искадо, ненадолго задержался на нем.

Надо отдать мальчишке должное – головы он не опустил и глаза закрывать не стал в отличие от жрецов и обоих темных магов. Маячившие за их спинами светлые, хоть и находились в реальном мире, не выдержали и отступили на несколько шагов. А вот Роберт остался стоять прямо и неотрывно смотрел на окутанное мраком изваяние. И мне показалось, что на губах Фола в этот момент промелькнула одобрительная усмешка.

– Думаешь, он достоин? – вдруг без предупреждения шепнула Тьма у меня за спиной.

Сердце екнуло от неожиданности, но головы я все же не повернул. А когда на затылке появилось ощущение легкого холода, едва заметно кивнул.

– Смелый мальчик. Из него получился бы прекрасный маг Смерти.

– Да будет так, –дохнуло мне холодком в затылок. И, прежде чем я успел что-то сказать, по темной стороне словно ветер пронесся. Причем не просто слабенький ветерок, а настоящий ураган. Меня, правда, ледяной порыв почти не зацепил, а вот жрецы, Хокк с Эрроузом, которых с силой стегнуло по глазам, одновременно отшатнулись и инстинктивно закрыли лица руками. В тот же момент перед застывшим у алтаря мальчиком повисло белое облачко, смутно похожее на силуэт женщины в плаще с низко надвинутым капюшоном. Наклонившись, Она легко поцеловала ошеломленного пацана в лоб и с едва различимым смешком исчезла. Буквально за миг до того, как маги успели прийти в себя.

На том месте, где его кожи коснулись Ее губы, расцвела до боли знакомая печать – круг, перечеркнутый крест-накрест. Но метка Смерти почти сразу исчезла. Одновременно с этим статуя Фола тоже перестала подавать признаки жизни. Клубившиеся вокруг нее щупальца Тьмы развеялись. В храме ощутимо посветлело. После чего отец-настоятель поднялся с колен и с задумчивым видом взглянул на впавшего в ступор мальчишку.

– Святой отец? – раздался во Тьме хриплый голос Грэга Эрроуза.

Отец Гон перевел на него такой же задумчивый взор.

– Что произошло? – так же хрипло спросила Лора Хокк, на кожаном доспехе которой выступил толстый слой инея.

– Фол откликнулся на нашу просьбу, – после небольшой паузы ответил жрец и снова взглянул на мальчишку. – Как вы себя чувствуете, молодой человек?

Роберт Искадо вздрогнул, когда голос отца Гона долгим эхом загулял по пустому храму. Но все-таки отмер. Пришел в себя. С усилием моргнул. После чего растерянным жестом потер зудящий лоб, глубоко вздохнул, но вместо того, чтобы ответить отцу Гону, неожиданно повернулся. И посмотрел прямо на меня. Абсолютно спокойным и удивительно мудрым взглядом, от которого у меня во второй раз за ночь тревожно екнуло сердце.

Глава 2

Из храма я ушел вскоре после того, как настоятель признал, что обряд прошел благополучно и Роберт теперь официально посвящен сильнейшему темному богу. Хокк и Эрроуз, отозвав отца Гона в сторону, о чем-то еще недолго поговорили, после чего жрец с помощниками ушел, так меня и не заметив. Молчаливого Роберта вернули в обычный мир, где его тут же обступили отец, дядя и Корн. Причем по тому, как активно шевелятся их губы, я понимал, что парня наверняка засыпали вопросами. Но Роберт, как ни странно, не захотел никому отвечать. И лишь когда отец набросил ему на плечи теплый плед и повел к выходу из храма, он снова зашарил глазами по тому месту, откуда за ним следил я.

Мог ли он увидеть меня во Тьме? Мог ли знать, кто присутствовал на обряде? И какое отношение ко всему этому имела леди Смерть? Я не имел ни малейшего понятия. Но одно знал совершенно точно – у Роберта Искадо этой ночью окончательно угас магический дар. А еще мальчишка оказался единственным среди участников обряда, кто почти не замерз на темной стороне.

После всех этих загадок спал я тревожно и видел очень странные сны. Неопределенные, рваные, но такие настойчивые, что в конце концов мне пришлось уйти во Тьму и досыпать уже там, чтобы к следующему утру не выглядеть как зомби. Правда, вернувшись в кабинет вскоре после наступления рассвета, я отправился в первохрам не сразу, а сперва выудил из тайника бумаги с собственной родословной и только после этого провалился на темную сторону.

Как выяснилось, Ал за это время так и не решил проблему с лестницами, поэтому нормально мы сумели поработать только до обеда. Дальше я, как и предсказывал, перестал дотягиваться до верха недоделанной статуи, после чего работа намертво встала.

Использовать осколки в качестве табуретки алтарь категорически отказался. И не только потому, что не хотел, чтобы я топтал их грязными сапожищами, – просто в прошлый раз нам так и не удалось скрепить их серебристым «раствором». А без него они никак не хотели держаться вместе. Других камней в призрачном городе было днем с огнем не сыскать, а таскать их из реального мира я не пожелал – я все-таки маг, а не вол. Тем более ни один мешок не выдерживал на нижнем слое дольше нескольких мгновений, магия там не работала, а вручную заволакивать сюда тяжелые валуны я не нанимался.

После этого Ал предложил использовать в качестве тягловой силы Мэла, но тут вновь возникла проблема веревок. Когда стало ясно, что решить ее в ближайшее время не удастся, алтарь даже попробовал создать лестницу из себя самого, но по непонятной причине мой вес она выдерживать отказалась, а любая попытка подняться по «зеркальным» ступеням заканчивалась для меня самым настоящим провалом. Да, в буквальном смысле слова. Видимо, это был запрещенный прием, и боги его почему-то не одобрили. В итоге мы так ни до чего не додумались, и, пока алтарь ломал свою металлическую голову, я решил заняться более важным делом.

Поскольку первохрам оказался единственным доступным мне помещением, где можно было за один раз и никого не посвящая в мои проблемы выложить полученные от Уорда документы, то я попросил Ала придумать защиту, чтобы бумага на нижнем слое не рассыпалась в прах. Алтарь скривился, но когда я сказал, для чего это нужно, он все-таки согласился помочь. Когда же я приволок с нижнего слоя загодя прихваченные папки, он долго ходил вокруг да около, изучая использованную мною защиту. Поскреб затылок, подумал, а затем обеими руками взялся за документы и в одно мгновение уничтожил все защитные заклинания. Хрупкая бумага, как следовало ожидать, тут же обратилась в прах, а у меня от неожиданности вырвалось неприличное восклицание.

Бездна! Они же были в единственном экземпляре! Я даже не все просмотрел, не говоря о том, чтобы внимательно изучить!

– Ты что наделал? – тихо спросил я, поняв, что в одночасье лишился ценной информации.

Ал сделал успокаивающий жест. И прежде чем я от души обложил его по батюшке, выпустил из-под ног серебристый «лизун», который смахнул оставшийся от бумаг пепел, после чего тоненьким ручейком отнес его в центральную лужу, откуда за нами с интересом следил Мэл. Знаком велел Палачу подвинуться, Ал поманил меня за собой и, остановившись у края внезапно забуллившего озера, указал на пошедшую крупными волнами поверхность.

Когда на ней стали одна за другой проступать буквы и цифры, у меня слегка отлегло от сердца. Когда эти буквы стали складываться в знакомые имена и названия, я понял, что информация все же сохранилась. А когда вместо сплошного текста на озере стали появляться линии, кружочки и черточки, связывающие между собой многочисленных членов нашего большого рода, я с удивлением понял, что Ал существенно облегчил мою задачу.

Всего за несколько ударов сердца жидкое серебро показало мне все родовое древо немаленького отцовского рода, начиная с далеких-далеких предков и заканчивая конкретно мной. Еще через несколько мгновений рядом появилось второе древо – материнское. При этом все буквы и цифры на нем были на редкость четкими, крупными. Такими, чтобы я мог рассмотреть их, не наклоняясь. А если и отсутствовали там цветковые метки Уорда, то алтарь заменил их на другие знаки, которым дал отдельную расшифровку в сторонке.

– Ого, – пробормотал я, по достоинству оценив масштаб проделанной Алом работы. – Кажется, я зря дал тебе по морде. Ты умеешь быть полезным.

«Зеркальный» фыркнул, после чего буквы и цифры на луже внезапно потемнели, а затем стали выпуклыми, чтобы их было легче читать. Я в ответ благодарно кивнул, и Ал ушел, оставив меня разбираться с фамильным древом в одиночестве.

Отцовскую родословную я за эти две недели уже успел просмотреть и убедился, что ничего особенного в ней не было. Среди родственников по отцу встречались преимущественно обычные люди и лишь в последние несколько поколений благодаря удачному замужеству моей прапрапрабабки среди них появились светлые маги. Поскольку магический дар мы заимствовали из другого рода, да и времени с его приобретения прошло сравнительно немного, то дар был не самым сильным и проявлялся не в каждом поколении. Скажем, у нашего с Леном отца его не было. А вот у деда и его кузена был. В плане наследования отследить его оказалось довольно просто – Ал пометил всех светлых магов в нашем роду звездочками, так что я мог не сомневаться, что именно леди Айрис де Ленур... вернее, ее супруг, взявший фамилию жены, облагодетельствовала наш род светлым даром.

С темными магами дело обстояло гораздо печальнее. В некоторых ветвях родового древа темные маги иногда все-таки проскакивали, однако во всех случаях это были залетные гости, чей дар всего через два-три поколения рассеивался среди потомков. Проще говоря, никого из этих магов, как и их прямых наследников, уже давно не было в живых. Причинами смерти Уорд, к сожалению, не интересовался, но по датам рождения и смерти можно было сделать вывод, что большинство умирали в молодом или среднем возрасте. У части одаренных наследники растворились в других родах, вместе с чистотой крови утратив и магический дар. И лишь один из них дожил до глубокой старости, однако наследников после себя не оставил, из-за чего та ветвь тоже нехотать оборвалась.

Собственно, в данный момент времени я остался единственным, у кого магический дар сохранился в полной мере. Но поскольку по отцовской линии я его получить не мог, то наибольшее внимание следовало уделить именно материнскому родовому древу. И вот тут-то, что называется, меня поджидал сюрприз.

Род леди Элеоноры де Латэй оказался не просто древнее и в разы больше, чем род де Ленур, – его древо было по-настоящему огромным. Причем Уорд каким-то чудом докопался до сведений аж семисотлетней давности! И не исключено, что даже он не все узнал, потому что некоторые ветви попросту пустовали, под какими-то веточками стояли вопросительные

знаки, а где-то опытный следователь сделал пометки, что не сумел найти концов, но с учетом прошедшего времени это было неудивительно.

Однако поразило меня другое – во-первых, весь этот грандиозный, древний и без увеличения могущественный род к настоящему времени практически вымер. Большинство его ветвей оборвалось чуть более ста лет назад, во времена правления Эрнеста Кровавого, поскольку среди наших родственников оказалось много потомственных некросов и магов Смерти. Когда-то это были разветвленные и весьма уважаемые рода. У каждого была весьма приличная история, немалое состояние и, как я полагаю, большое влияние в обществе. Но одна-единственная ночь начисто обрезала эти ветви, навсегда вылушив из нашего наследия любой темный дар.

Ветвь де Латэй, к которой принадлежала моя мать, оказалась побочной по отношению к этим мертвым родам. Я бы даже сказал, параллельной, поскольку от основного рода, давшему Алтории множество известных темных имен, она отошла задолго до того, как их уничтожили. По сути, сейчас эта ветвь осталась единственной от некогда большого и цветущего древа. И уцелела лишь потому, что на протяжении долгого времени развивалась самостоятельно, а все ее представители заблаговременно отселились в дальние провинции. И среди них на протяжении всех семи столетий не было ни одного темного мага, который мог бы передать свой дар следующим поколениям.

Вторая странность заключалась в том, что род де Латэй состоял практически из одних женщин. Да, они часто выходили замуж, но по непонятным причинам почти не рожали мальчиков. Некоторые из дам, что вполне естественно, заключали браки и с магами. Кое-кто даже не побоялся выйти замуж за темного мага. Но у всех без исключения женщин де Латэй первыми рождались девочки и лишь после этого мог появиться на свет один или, крайне редко, два сына. При этом если мальчик был обычным или светлым магом, то он, как правило, проживал долгую и спокойную жизнь. Однако если кто-то из них наследовал темный дар, то с ним раз за разом происходила одна и та же история: мужчины или погибали в молодости, или были бездетными, или же их потомки тихо и незаметно утрачивали дар, благодаря чему в свое время так и не привлекли внимания короля.

Сейчас в роду де Латэй мужчин, не считая меня, осталось всего четверо. Трое из них проживали на юге и счастливо воспитывали семерых дочерей. У одного несколько лет назад родился сын – светлый маг с довольно слабым, по мнению Уорда, даром. Темных магов... даже в побочных ветвях... среди них не было вот уже на протяжении четырех поколений. А единственным, кто сумел обрести темный дар, являлся я. Очень интересно, правда?

У наших с Леном родителей, кстати, первой родилась тоже девочка, которую называли Элейн – в честь прабабки по материнской линии. Она, как говорят, благосклонно относилась к внучке и не дожидаясь рождения правнучки каких-то нескольких дней. Но наша маленькая сестра умерла, не прожив, судя по дате, и года. И я, пока не увидел бумаги Уорда, об этом даже не подозревал.

Другие родственники по линии матери, насколько мне известно, были категорически против брака Элеоноры де Латэй и столичного графа. А после того как молодые покинули юг, ее мать сообщила письмом, что отлучает дочь от семьи и просит никого из них более не беспокоить. Деда к тому времени уже не было в живых, прадеда и прабабки – тем более, так что эту часть семьи я никогда не знал. И не особенно расстроился, когда поискал даты смерти и обнаружил, что отказавшаяся от собственной дочери леди Олиена де Латэй уже лет семь как пребывала в могиле.

Со стороны отца родственники у нас, конечно, остались, так что дом после смерти родителей скорее всего отошел им. Но поскольку отношения у отца с его собственными родителями и братом в последние годы стали довольно напряженными, то я ими не интересовался. Только

уточнил по сфере, что живы и здоровы, а сейчас наглядно убедился, что темных магов среди них тоже нет, и очень крепко задумался.

Если обобщить все, что я узнал, то получалось, что темный дар мне попросту не от кого было получить. Ни в роду отца, ни среди родственников матери не имелось ни одного мага или магички, которые могли бы стать для моего дара полноценным источником. Даже если вспомнить теорию Рейно Лерса о наследовании магического дара у темных, все равно получалась белиберда. Уорд изучил родословную моего отца на протяжении шести поколений, род матери – на целых восемь, но ни там, ни там не нашлось подходящего донора!

Мое родство с де Ленур и де Латэй отрицать было глупо – я походил на отца и брата до такой степени, что подозревать мать в каких-то грехах было не только низко, но и нелепо. Но если я – действительно сын своих родителей и если Ларри Уорд не ошибся, то как могло получиться, что я, не имея в предках ни одного темного мага по прямой линии, вдруг обрел полноценный темный дар?

Скажите, самородок? Да бросьте, такого не бывает! К тому же не только Орден, но и жрецы в голос утверждали, что здесь важна именно наследственность. Но тогда что? И как? Предположить, что во мне внезапно проснулся дар, который спал беспробудным сном около семи веков? Да, в свое время Лерс доказал и такую возможность, но время спада для магического дара, по его сведениям, составляло всего два-три, реже четыре поколения. Не больше! Семь – это слишком много! Но даже если Лейс чего-то не учел, то почему мой дар открылся в зрелом возрасте, хотя по всем канонам этого не должно было случиться? К тому же по-настоящему он проявил себя всего несколько месяцев назад. И то лишь после того, как к этому приложил руку могущественный темный бог.

Мои мысли сами собой вернулись к Роберту Искадо.

А ведь если подумать, то мы с ним похожи. Серьезная жизненная трагедия, близость смерти, а может, и безумия, последующий обряд перед алтарем владыки ночи... не слишком ли много совпадений? Правда, у мальчишки имелосьотягчающее обстоятельство – до того, как пройти обряд посвящения, он был еще и светлым. Но не для того ли Фол позвал меня сюда, чтобы я задумался о нашем сходстве?

Стоило, пожалуй, проверить родословную этого парня. И заново пересмотреть теорию Рейно Лейса, потому что тут что-то не сходилось. Причем настолько, что это ставило под сомнение теорию зарождения магии вообще. По крайней мере, ту ее часть, что касалась темного дара.

Когда Ал осторожно тронул меня за плечо, я пребывал в таком глубоком раздумье, что отреагировал далеко не сразу. А когда все же очнулся от дум и увидел его посветлевшее лицо, насмешливо хмыкнул:

– Неужто ты нашел решение проблемы?

Ал кивнул. После чего бодрым шагом направился в сторону и, остановившись у поста-мента Ирейи, выразительным жестом указал на валяющиеся в изобилии обломки.

Я смерил «зеркального» выразительным взором:

– Ты, наверное, спятил.

«Пока работаем здесь, – написал на полу Ал. – Время терять незачем».

– Чудесно, – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул я, поняв, куда клонит эта зеркальная морда. – Просто чудесно! Ты предлагаешь мне по очереди выкладывать другие статуи, пока мы не придумаем, что делать с этой?!

Ал снова кивнул.

– Она все равно большая, – скривился я, оценив размеры окружающих нас каменных гор. – Хоть и меньше, чем Фол, но в лучшем случае ее получится выложить до бедер. А потом что? Бросать все на середине и заниматься следующей?

Ал кивнул в третий раз.

– Тьфу на тебя, – чуть не сплюнул я, но вовремя вспомнил, где нахожусь, и сдержался. Если в верхнем храме раздраженный плевок еще мог быть прощен жрецами, то под ноги могущественной темной богини плевать точно не стоило.

Оглядев заваленный грудями камней постамент, я заколебался. Свободного прохода к нему не было. Чтобы туда добраться, пришлось бы топтать ногами останки божественного вместилища. А женщины – существа капризные и порой мстительные. И мне совсем не улыбалось разгребать потом кучу неприятностей, которые возникли лишь из-за того, что я случайно наступил богине на лицо.

Ал, впрочем, решил эту проблему – зажурчав, он стек на пол бесформенной лужей, забрался под камни, оттащил их в стороны и создал узкую тропинку до самого постамента. Добравшись до него, я с изрядной долей сомнения уставился на первый поданный алтарем обломок. И прежде чем его коснуться, на всякий случай пробормотал:

– Мне бесконечно жаль, прекрасная леди, что вас придется трогать руками, но буду безмерно благодарен, если вы не станете усложнять мне из-за этого жизнь.

Ирейя, само собой, не отозвалась. Но когда первый осколок коснулся моих перчаток, никто не стрельнул в меня шаровой молнией, не обжег огнем сквозь доспех, не попытался заморозить и даже не отвесил ментальный подзатыльник. Хотя в зале, как мне показалось, все же слегка понизилась температура и появилось ощущение чужого присутствия, которое, впрочем, быстро исчезло, словно богиня коротко взглянула на меня и, что-то для себя решив, снова отвернулась.

Работать с ее статуей оказалось не в пример легче, чем со статуей Фола. Камни здесь были намного крупнее, но при этом, как ни удивительно, оказались менее тяжелыми и сил вытягивали гораздо меньше. Так что мы с Алом без перерыва проработали остаток дня и остановились, лишь когда громко щелкнул прихваченный мною из дома хронометр.

Я с некоторым недоверием взглянул на прибор, но колбы и впрямь показывали приближение полуночи. А я не только не устал, но даже не проголодался толком. Хотя, быть может, откат придет позже? Кто этих женщин знает? Вдруг это всего лишь уловка, чтобы мы побыстрее справились с задачей?

«Перерыв?» – тут же соткались на полу передо мной серебристые буквы.

– Да, пожалуй, – задумчиво согласился я, складывая на постамент последний обломок. После чего оглядел то, что у нас получилось, по достоинству оценил выложенные из камня изящные ступни, наполовину прикрытые куском такой же каменной туники, и с тихим смешком признал: – Красивые ножки. Такие грех не закончить в ближайшие несколько дней.

«До завтра», – снова написал Ал и широким ручейком вытек из-под обломков. После чего вернулся на свое законное место, обратился в наковальню и застыл неподвижной глыбой, снова позабыв снять с меня зеркальную броню.

Насчет вчерашнего я его, кстати, спросил. Но из сбивчивых объяснений понял одно – пока в первохраме оставалась хотя бы одна серебряная капля, алтарь действительно мог выходить за его пределы. Правда, только внутри живого носителя. Вопрос заключался лишь в расстоянии. Поскольку в первый раз Поводырь утянул меня слишком глубоко от храма, то, чтобы сохранить мне жизнь, Алу пришлось перейти в мое тело полностью. Причем пока я болтался на глубине, все было терпимо. Но как только я поднялся ближе к поверхности, алтарь, оставшись без связи с первохрамом, начал быстро тяжелесть, а я на это оказался не рассчитан. Соответственно на верхнем уровне принял на себя почти весь его вес и непременно бы сдох, если бы не сумел вовремя вернуться в храм.

Мои подозрения насчет того, что алтарь не на всяком слое способен переходить в жидкое состояние, тоже подтвердились. Как выяснилось, чем глубже во Тьме, тем проще Алу было менять форму. Собственно, эта каверна – максимально допустимый уровень, где он мог

делать это без носителя. На моем привычном слое он бы моментально обратился в камень или железку. А в реальном мире, подозреваю, мы бы и вовсе не сдвинули его с места, потому что силы в этой болванке хранилось немеряно. Даже с учетом того, что за тысячу лет Ал серьезно ослаб.

Вопрос о том, почему для первохрама выбрали именно этот уровень, отпал сам собой – просто спуститься ниже живому человеку было бы крайне затруднительно. Собственно, каверна стала своеобразным компромиссом между пожеланиями Фола и возможностями его жнецов. Но даже так они едва не прогадали, потому что, кроме меня, за целую тысячу лет никто не сумел сюда добраться. И еще бы столько же времени не пришел, если бы владыка ночи не расщедрился на благословение.

Одним словом, получалось, что носить зеркальную броню за пределами храма я все-таки мог. Причем сколь угодно долго, не опасаясь при этом оказаться намертво в ней запаянным. Но дальше одного пешего дня пути от столицы и ниже доступных мне слоев Тьмы Ал советовал не заходить. По крайней мере, до тех пор, пока не войдет в полную силу.

Насчет невидимости он тоже согласился, что штука полезная, и сообщил, что теперь я могу использовать ее по собственному усмотрению. Для этого достаточно было лишь высказать свое желание вслух. Но поскольку наличие второй брони делало меня в определенной степени от него зависимым, то с новшествами я решил поосторожничать. И этим же утром стряс с алтаря обещание, что он по первому же требованию избавит меня от своего присутствия и не станет вмешиваться в мои дела, пока я не посчитаю нужным его об этом попросить.

Уже уходя, я вдруг вспомнил о Мэле, который на протяжении всего дня упорно держался в тени. И едва не споткнулся, обнаружив, что стремительно возвращающая прежний облик кукла тоже щеголяет в серебристом доспехе. Более того, в это самое время Мэл как раз пытался придать себе невидимость, и у него, надо сказать, неплохо получалось. Так что ему не надо было большую часть времени проводить на нижнем слое – теперь, чтобы следовать за мной на темной стороне, ему достаточно было попросить алтарь об услуге.

– Спасибо, Ал, – бросил я, оглянувшись на наковальню. – Я был не прав: ты действительно очень полезен.

Алтарь никак не отреагировал. Но когда я поднялся по лестнице и вышел в призрачный город, на снегу все же проступило мимолетное: «Пожалуйста».

Глава 3

На этот раз я проснулся оттого, что на прикроватной тумбочке яростно вибрировала зачарованная монетка. Звук от нее шел такой, словно изнутри на столешницу набросился злобный термит и теперь грыз ее, грыз... вместе с моими мозгами. Так что волей-неволей пришлось открыть глаза, сесть, накрыть дрожащую монетку рукой и, бросив взгляд на улицу, где еще толком не рассвело, буркнуть:

– Йен... кто бы сомневался?

Пока я собирался, Мэл метнулся в храм – предупредить Ала, что сегодня нас скорее всего не будет. А быть может, и завтра-послезавтра тоже, потому что монетка все это время вибрировала без перерыва, из чего следовало заключить, что дело предстояло серьезное. Собственно, только поэтому я не стал медлить и, наскоро перекусив, всего через четверть свечи взялся за прикрепленный к монете поводок. А когда, ориентируясь на него, создал тропу, то изрядно удивился, обнаружив, что она ведет снова не в кабинет Йена.

Хорошо еще, что я привык сходить с тропы заранее, пользовался метками и, прежде чем выйти в реальный мир, всегда изучал обстановку с темной стороны. Как оказалось, Норриди изволил пребывать далеко от западного Управления и при этом выглядел безнадежно мокрым, несчастным и в момент моего прихода раздраженно мерил шагами большую лужу, в которой, на мой взгляд, не имелось ничего интересного.

Дело происходило на Шестнадцатой улице – узкой, извилистой и грязной до неприличия. Как вскоре выяснилось, здесь издавна плохо работала ливневка, поэтому после продолжительных дождей все подступы к домам были основательно подтоплены, из-за чего даже лошади местами бродили по щиколотку в воде.

Здание, возле которого Йен бесцельно ходил туда-сюда, оказалось самым обычным. Серое, мокрое, в три с половиной этажа, если считать чердак. Первый этаж – каменный, второй, что нетипично для Алтира, почти целиком сделан из дерева. Зато крыша выглядела абсолютно новой, чистой и совсем недавно была покрыта свежей черепицей, которая даже на темной стороне оказалась почти целой.

Углядев внутри дома многочисленные бело-черные ауры, многие из которых целеустремленно, как это бывает при обыске, перемещались по комнатам, я мысленно присвистнул. После чего прыгнул сперва к одной своей метке. Затем к другой, дважды оборвав след. На всякий случай велел Мэлу внутрь не соваться. И, выйдя в реальный мир за целых полквартила от нужного места, дальше пошел пешком, придерживая потяжелевшую от воды шляпу.

Когда я вывернул на затопленную улицу, тревожно озирающийся Йен встрепенулся и помахал рукой, привлекая внимание. Но я не стал бежать к нему сломя голову. А сперва дождался, когда мимо прокатит экипаж с характерной эмблемой Управления на дверце, вскочил на закорки и, без труда преодолев плещущееся на улице грязное «море», спрыгнул у крыльца дома номер восемь, лишь чудом не угодив в большую лужу.

– Почему так долго? – проворчал Йен, тут же устремившись внутрь. Мокрый, взъерошенный, как воробей под дождем. Недовольный, естественно. Но так и не соизволивший сообщить, какого демона он все это время торчал под дождем вместо того, чтобы спокойно обсохнуть в доме.

Впрочем, вскоре этот вопрос отпал сам собой – как выяснилось, на втором этаже уже давненько прорвало трубу... к счастью, обычную, водопроводную, а не канализационную. Поэтому обстановка в доме почти не отличалась от того, что творилось на затопленной улице. Более того, никого, кто в это время болтался внутри, похоже, не беспокоила льющаяся с потолка вода, а деловито снующие туда и сюда маги даже не пытались остановить нескончаемый дождь, который чьими-то усилиями лил не только снаружи, но и внутри.

– Бытовика уже вызвали, он пока не приехал, – не дожидаясь моей реплики, буркнул Йен и, подняв воротник, прошмыгнул под низвергающимся со стены водопадом. – Нам в подвал. Там посуше. Только смотри под ноги – ступеньки скользкие, можно навернуться на раз-два.

Пройдя вслед за Норриди полутемный коридор... свет там, само собой, зажечь никто не догадался... я походя заглянул в одно помещение, другое, третье и быстро понял, что дом на самом деле не жилой. Мебели в комнатах практически не было. Повсюду царила разруха и запустение. Единственным более или менее приличным помещением оказалась спальня, сейчас – изрядно подмоченная и безнадежно испорченная льющейся из коридора водой. И вкупе с новенькой крышей, а также с недавно покрашенным фасадом это выглядело более чем странно.

Отложив расспросы на потом, я следом за Йеном свернул налево и, придерживая скрипучую дверь, под которую целеустремленно текли настоящие ручьи, всерьез усомнился, что внизу будет лучше, чем на первом этаже. Судя по количеству воды, в подвале должно было уже образоваться целое озеро. Быть может, даже болото. И скользкие до отвращения, опасно узкие каменные ступени только укрепили меня в этом предположении.

Но как ни странно, я ошибся – оказывается, вода, которая с веселым журчанием переливалась со ступеньки на ступеньку, скапливалась в глубокой щели у основания лестницы и с неприятным хлопаньем стекала куда-то вниз. Вероятно, по специально сделанному желобу. Как в душе. Затем исчезала неизвестно куда, благодаря чему пол в подвале выглядел почти сухим.

Йен, перепрыгнув через щель в полу, целеустремленно порысил дальше. К единственной имеющейся здесь старой, но еще довольно крепкой двери, из-под которой пробивался слабенький свет.

Постучав по ней костяшками пальцев, Норриди крикнул:

– Шеф! Я его привел!

– Пусть заглянет, – отозвался изнутри знакомый голос. – Только магией чтоб не пользовался. Это может быть опасно.

Я удивленно вскинул брови, но когда Йен посторонился, занял его место, с любопытством приоткрыл деревянную створку и... отшатнулся, потому что изнутри меня окатило такой волной ярчайшего света, что я едва не ослеп. Торопливо захлопнув проклятую дверь, я отвернулся, прикрывая ладонью слезящиеся глаза. И, уткнув нос в ближайшую стену, смачно выругался, без стеснения помянув и самого Корна, и его дурацкие шутки, и даже ни в чем не повинную дверь, которая от удара жалобно скрипнула.

Это ж надо было додуматься – звать меня туда, где вовсю бушует светлая магия?! Правильно я сюда Мэла не пустил – духам и иным созданиям темной стороны в таком месте делать нечего.

– Рэйш, ты живой? – без особого интереса поинтересовался изнутри Корн.

– Да пошли вы...

– Жаль, – так же равнодушно отозвался шеф, и в комнате ненадолго стало тихо. – Значит, придется тебе подняться наверх. Здесь от тебя толку не будет.

А я, с трудом проморгавшись, мрачно воззрился на беспокойно топчущегося рядом Йена.

– Что тут вообще творится?

– Без понятия, – нервно отозвался Норриди, кинув на дверь беспокойный взгляд. – Корн как туда зашел, так сам не свой стал. Магам запретил туда лезть, даже своим. Следакам разрешил попробовать, но там слишком ярко – глаза слезятся так, что работать невозможно. Поэтому он один.

– Что внутри-то? – так же хмуро осведомился я, на всякий случай отступая от двери подальше.

– Труп.

– Чей?

– Да Фол его знает, – неприязненно отозвался Йен. – Я только краешком увидел: вроде мужик. Только распотрошили его, как свиную тушу, кровищи на полу – море. И башки нет. Но приборы там не работают, поэтому Корн надиктовал обстановку сам, а я только записал с его слов.

Я помотал головой, все еще будучи не в силах до конца избавиться от пляшущих в глазах цветных пятен.

– Так. А наверху что?

– То же самое, – мрачно буркнул Норриди и развернулся к лестнице. – Ну, почти. Идем. На чердаке тебе должно быть полегче.

– Почему?

– Сам увидишь. Наши уже там – все объяснят по ходу.

Нахмурившись и передав Мэлу по поводку, чтобы не приближался к дому, пока все не выяснится, я молча последовал за другом на первый этаж. Затем по коридору, минуя несколько комнат, где бестолково толклось сразу несколько светлых магов и целая толпа следователей, до ближайшего поворота и затем – на другую лестницу, которая вскоре привела нас на чердак. Там, как следовало ожидать, была еще одна дверь, только в отличие от подвала из-под нее сочился не ослепляюще яркий свет, а беспросветная Тьма, при виде которой я озадаченно замер.

Кроме нас и одинокого чувака в форме городской стражи, который караулил дверь снаружи, на чердаке никого не было. Ни магов, ни следователей, хотя Йен обещал, что все будет иначе. Тем не менее я даже через линзы не увидел посторонних аур, но, возможно, лишь потому, что за дверью даже на темной стороне царил такой крошечный мрак, что в нем моментально гасли любые проблески света.

– Дальше не ходи, – предостерег я Йена, нутром чуя, что творится что-то нехорошее. И Норриди послушно остановился. – Кто сейчас внутри?

– Триш, Хокк и Тори.

– И давно они там?

Норриди неожиданно помрачнел.

– Около свечи.

– Почему так долго?

– Откуда я знаю?! Я не маг! – ни с того ни с сего огрызнулся Йен. Но быстро взял себя в руки и уже спокойнее добавил: – Сперва наши пытались все заснять там через визуализатор, но, как и внизу, ничего не вышло – линзы прямо с порога перестали работать. И внутри было слишком холодно, чтобы следаки могли там долго находиться. Хокк сказала, что проверит все сама, и увела туда Триш. Какое-то время они еще откликались на голос, сказали, что там труп. На этот раз – женский. Но вскоре Хокк велела нам уходить. Я увел всех, кроме Тори. Какое-то время мы ждали, но Хокк и Триш больше не отозвались. Тори пришлось пойти следом, чтобы выяснить, в чем дело. Больше я его не видел и не слышал. Хокк и Триш тоже не объявлялись. Еще через полсвечи спустился вниз. Спросил у Корна, что делать. Корн велел вызвать подмогу и внутрь никого, кроме тебя, не пускать, а снаружи поставить оцепление. Поэтому Лиз сейчас внизу, Брил и Торн роются на втором этаже. А я мечусь вверх-вниз, как идиот, и не понимаю, что происходит. Может, хоть ты мне объяснишь?!

Я нахмурился еще больше и взялся за ручку двери.

– Позже.

– Имей в виду, Арт, – нервно предупредил Норриди. – Если и ты оттуда не вернешься, мне придется вызывать ребят из спецотдела.

– Не придется, – сухо отозвался я, после чего толкнул едва слышно скрипнувшую дверь и, понимающе хмыкнув при виде рванувшей изнутри поземки, шагнул на затопленный Тьмой чердак.

Захлопнув дверь, чтобы холодный воздух не вымораживал лестницу и растерянно застывшего на ней Йена, я отступил на шаг в сторону и огляделся.

Забавно. Если бы я не знал, что по-прежнему нахожусь в реальном мире, то мог бы решить, что вижу темную сторону: все помещение под крышей было выстелено тонким слоем серебристого инея, от пола до потолка. Иней лежал везде – на стенах, на опорных балках и даже в щелях между досками. Окно было одно-единственное, но предусмотрительно затянуто какой-то очень плотной пленкой, так что свет сюда не проникал. Но даже если бы пленки не было, это не спасло бы ситуацию, потому что пространство на чердаке оказалось до краев заполнено густой, сочной, почти непроглядной Тьмой, которой здесь было совсем не место.

Сказать, что она доставляла мне неудобства – нет. Пожалуй, я чувствовал себя здесь комфортно. Как на темной стороне. Царящий вокруг холод едва ощущался, ветра не было, а окружающая меня тишина показалась даже приятной. И в ней я не чувствовал ни беспокойства, ни тревоги, ни тем более паники.

Отсутствие голосов слегка удивило, но не насторожило – без них было намного лучше. Клубящаяся вокруг Тьма успокаивала. Умиротворяла. Ласкалась, как верная любовница. И дарила почти забытое ощущение дома, в который я вернулся после долгих скитаний. Да... мне было хорошо здесь. Даже, пожалуй, слишком. И именно это ощущение заставило меня встряхнуться и, призвав свою собственную Тьму, разогнать сгустившийся на чердаке мрак.

Внешняя Тьма расступилась медленно и неохотно, едва ли не впервые отказавшись подчиняться. Причем разошлась она недалеко. Всего лишь до стоящего в центре, накрытого белоснежной скатертью стола, на котором лежало чье-то обезглавленное тело.

С хрустом оторвав примерзшие к полу сапоги и сделав несколько шагов, я окинул окровавленный труп внимательным взглядом.

Женщина. Судя по состоянию кожи, довольно молодая. Ухоженная. Ни синяков, ни царапин, ни грязи под ногтями нет. Значит, перед смертью не сопротивлялась. Умерла скверно – на впадлом животе зияла широкая рана, откуда какой-то маньяк вытащил кишки и разложил по бокам от тела, как какой-то жутковатый натюрморт. Еще одна рана – чистая и аккуратная – виднелась напротив сердца. Добили жертву всего одним ударом. Быстрым и очень точным. А вот голову убийца, похоже, отрубил уже после того, как женщина испустила дух – крови из обрубка шеи натекло сравнительно немного. И вся она успела кристаллизироваться.

С хрустом наступив на какой-то предмет, я наклонился и, прочертив носком сапога широкую полосу в инее, обнаружил на полу шлепок расплавленного черного воска. Чуть дальше, присмотревшись, обнаружил еще один такой же «нарост». Затем третий, четвертый... и уже с возросшим интересом проковырял в инее несколько новых дыр. Углядев на воске наполовину стершиеся знаки, даже на корточках присел, пытаясь понять, что же это такое. А потом сообразил, что слишком долго не слышу коллег, которые, если верить Йену, уже давно должны были не только описать труп, но и вернуться, и снова поднялся, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Триш? Хокк? – позвал я, не увидев вокруг ничего, кроме вяло клубящейся Тьмы. – Тори, ты живой?

Но никто почему-то не отозвался.

Я нахмурился, затем на всякий случай изменил угол наклона линз, «состаривая» помещение до максимума, но и так почти ничего не различал дальше двух шагов. Что за чепуха?

Когда я сделал несколько шагов в сторону, Тьма недовольно забурлила, зашептала, облепила мои плечи и настойчиво потянула назад, словно не хотела пускать. Но я стряхнул невидимые лапы и все же добрался сперва до затянутого черной пленкой окна, затем прошелся

вдоль одной стены, вдоль другой. Нашел плотно закрытую дверь, на которой изнутри успели намерзнуть целые сугробы. Наконец вплотную подошел к столу и, уже ничего не понимая в происходящем, перешел на темную сторону.

Здесь было чуточку посветлее, чем наверху, да и Тьма оказалась не такой насыщенной, поэтому пропавших коллег я увидел сразу. А увидев, выругался и почти бегом кинулся в угол, где рядком, устало прислонившись друг к другу, полулежало три неподвижных тела.

Судя по слою снега, который напал через невесть когда успевшую образоваться дыру в новенькой крыше, лежали они здесь уже давно. Йен сказал, что их не было всего свечу, но время на темной стороне текло иначе, так что для магов это могли быть и три свечи, и четыре, и сколько угодно еще. Особенно если эти ненормальные осмелились уснуть. Это я мог сутками без последствий находиться на темной стороне. Это мне Фол подарил несколько бесценных привилегий. А для неопытного мага вроде Триш или тем более Тори сон во Тьме мог стать смертельно опасным.

Какого демона Хокк вообще позволила им тут разлечься?!

Торопливо приложив пальцы к шее окоченевшего мальчишки, я рывком оторвал его от пола и выбрался в реальный мир. Недовольная моим возвращением Тьма негодуяще взвыла, но от настойчиво лезущих в глаза лап я снова отмахнулся и, пинком открыв дверь, сгрузил едва дышащего мальчишку на руки обалдевшему стражнику:

– К целителям его! Живо!

Не дожидаясь, пока мужик придет в себя, я снова метнулся на темную сторону, таким же образом с хрустом выдрал из обледеневшего сугроба Триш и, одним прыжком вернувшись, всучил ее растерявшемуся от неожиданности Йену:

– Согрей ее. И как можно быстрее!

– Как?! – донесся до меня испуганный вопль.

– Как хочешь, – буркнул я, уже растворяясь во Тьме. – Можешь обнять – это наверняка поможет. А еще лучше поцелуй. Для нее это будет лучшее лекарство.

Вернувшись на темную сторону в третий раз, я наклонился, чтобы подобрать с пола Хокк, но неожиданно обнаружил, что ее слишком крепко вморозило в лед, и сплюнул.

– Какого демона, Хокк?! Куда ты смотрела?!

Беспамятная магичка даже не дрогнула. А когда я кулаком принялся сбивать с нее ледяные наросты и с хрустом выдирать замерзшее тело из снежного плена, то внезапно обнаружил, что у Хокк до опасного предела истончилась аура. Но при этом она оказалась подозрительно широкой, словно магичка пыталась накрыть ею кого-то еще. А вернее, прикрыть. Заслонить от вымораживающего прикосновения Тьмы. И даже сейчас, когда защищать и подпитывать больше никого было не нужно, ее аура слепо тыкалась в мои ладони и до последнего пыталась отдать те крохи, которые у нее еще оставались.

«Что же с вами произошло, если ты не смогла с этим справиться?» – подумал я, поднимая с пола беспаятную женщину. Голова Хокк безвольно мотнулась, ее аура почти погасла, и я не придумал ничего лучше, чем на время привязать ее к своей. Подпитывая и удерживая в мире живых так же, как она недавно пыталась удержать Тори и Триш. И ведь удержала, чтоб ее... обоих сумела сбечь, хотя истратила на это почти весь запас жизненных сил.

Когда я вынырнул с темной стороны, Йен сидел на последней ступеньке лестницы и, крепко прижав к груди Триш, тихо укачивал ее, как маленького ребенка. Стражник, которому я поручил Тори, видимо, утопал вниз. К светлым. Йен же почему-то уйти не рискнул. А может, просто вспомнил, что магия светлых для нас почти бесполезна. За время моего отсутствия он успел побледнеть и даже посинеть от сочащегося из-под двери холода, но девчонку из рук не выпустил. Даже укутал в собственную куртку, чтобы побыстрее согреть. О том, что ей была необходима не одежда, а живое человеческое тепло, он, конечно, не догадывался, но судя

по тому, что Триш слегка порозовела и начала нормально дышать, Йен все сделал правильно. Не зря я оставил ее именно ему. Рядом с кем-то другим она могла и не захотеть остаться.

– Что произошло? – хрипло спросил Йен, подняв на меня тяжелый взгляд.

Я вместо ответа с беспокойством взглянул на покрытое тонким ледком лицо Хокк. Прислушался к ее рваному дыханию и, поняв, что времени у нее еще меньше, чем казалось поначалу, помчался вниз по лестнице, радуясь про себя уже тому, что трубу прорвало на втором этаже, а не на третьем. И здесь не обледенели крутые ступеньки, с которых на такой скорости ничего не стоило навернуться.

– Арт, ты куда?! – крикнул вслед недоумевающий Йен.

Я не ответил. И, оттолкнув нехоти попавшегося на пути незнакомого следователя, что было сил рванул вниз. В подвал. Где находился не только хороший целитель, но и целое море яркого, болезненно сильного, но безумно горячего света, в котором так отчаянно нуждалась замерзшая до полусмерти магичка.

Ворвавшись в подвал, я пинком распахнул разохшуюся дверь, едва не снеся ее с петель, и, благоразумно уткнув лицо в волосы Хокк, заскочил внутрь. Ослепительно яркий свет снова ударил по глазам так, что из-под век против воли брызнули слезы. Успевший образоваться на одежде иней с тихим шипением стал испаряться. Остывшая во Тьме кожа мигом разогрелась. Затем мне стало жарко. Еще немного, и бешеный свет начнет образовывать на шкуре крупные волдыри. Но еще до того, как он начал причинять боль, я опрометью выскочил обратно, прерывисто выдохнул и, с трудом открыв слезящиеся глаза, взглянул на лежавшую у меня на руках женщину.

Хокк выглядела так, словно я вынес ее из преисподней: одежда на ней дымилась, от растрепанных волос шел пар, кожа на лице из бледно-синей в один миг превратилась в красную, распаренную, словно коллега только что побывала в бане. Зато сама Хокк больше не походила на обледеневшую статую. Она обмякла, будто из нее вынули все кости, измученно ткнулась носом в мою дымящуюся куртку, и, стоило мне перехватить ее поудобнее, тихо-тихо застонала. А когда я осторожно усадил ее под стеной и аккуратно похлопал по щекам, даже приоткрыла один глаз и с видимым усилием прохрипела:

– Рэйш... мерзавец...

– Дыши, Хокк, – оскалился я, подозревая, что выгляжу сейчас не лучше ее. – Давай, можешь даже выругаться. Это полезно.

– Пошел ты... к Фолу!

– Значит, не помрешь, – ухмыльнулся я, откинув с ее изможденного лица седую прядку. А убедившись, что она действительно пришла в себя и с устрашающей скоростью начала выкачивать из меня силы, успокоенно отвернулся. – Корн! Эй, Корн... может, вы все-таки скажете, что за дерьмо здесь творится?!

Из комнаты на этот раз не донеслось ни звука. То ли шеф не услышал, то ли ему было все равно. Собственно, он даже не возмутился, когда я так грубо нарушил его уединение. Но если вспомнить, что творилось с темными магами во Тьме, и предположить, что со светлым сейчас могло происходить нечто подобное...

– Фолова бездна, – пробормотал я, со смешанным чувством уставившись на пробивающийся из-под двери свет. – Корн! Да не может быть, чтобы вы тоже опростоволосились!

Мгновение поколебавшись, я все же поднялся и, не придумав ничего лучше, вернулся на темную сторону. После чего уже беспрепятственно вошел в пышущую не таким ярким, но все же достаточно неприятным светом комнату. Прищурившись, отыскал глазами скорчившегося в углу мага, больше похожего на бледную тень. В три шага добрался до него, вытянул руки и буквально выдернул во Тьму, после чего торопливо поволок к выходу, надеясь, что за это время шеф не скиснет окончательно.

Холод темной стороны обжег его так же, как и меня неистовый жар чужой, бушующей в подвале магии. Корн болезненно дернулся, что-то просипел, но двигаться самостоятельно был не в состоянии, поэтому мне пришлось тащить его волоком – грубо, неаккуратно, как мешок с песком. И лишь выбравшись за пределы комнаты, с руганью вытягивать его обратно в реальный мир.

– Р-рэйш... – выдохнул начальник ГУССа, грузно свалившись мне под ноги. – Какого демона?!

– Пришел в себя? – вместо ответа осведомился я. И, наклонившись, рывком усадил надсадно кашляющего мага, чтобы не задохся. – Будем считать, что да. Как самочувствие?

Корн снова закашлялся и обессиленно прислонился спиной к стене. Неожиданно исхудавший. Бледный. Мокрый насквозь, словно я только что искупал его в проруби. И, кажется, с трудом соображающий, что с ним вообще произошло.

Впрочем, надо отдать ему должное, думал шеф действительно быстро. А восстанавливался, похоже, еще быстрее, потому что всего через пару ударов сердца его взгляд стал осмысленным и по обыкновению острым. А когда он повернул голову и увидел устало обмякшую Хокк, в этом взгляде появилось нечто такое, от чего даже у меня сердце кольнуло нехорошим предчувствием.

– Где народ? – сухо осведомился шеф, с трудом поднявшись на ноги. Его ощутимо качнуло, но Корн все же заставил себя выпрямиться и требовательно на меня взглянул.

– Наверху.

– Погибшие? Раненые?

– Тори в беспамятстве. Триш тоже. Все трое истощены, но жить будут. Про остальных Йен ничего не говорил.

Корн бросил на Хокк быстрый взгляд, но та даже не пошевелилась. Кажется, снова потеряла сознание... хотя нет, просто уснула, потому что мои силы так и продолжали убывать с достойной уважения скоростью.

Шеф это, вероятно, тоже заметил, потому что внезапно скривился и бросил:

– Укороти поводок, а то тоже свалишься. И к целителям ее тащи. Долго на такой подпитке ей не продержаться.

Я молча поднял магичку с пола и следом за ним двинулся к выходу. К целителям так к целителям, он в этом лучше понимает. Но было бы совсем замечательно, если бы сам Корн тоже где-нибудь отлежался – мне совсем не улыбалось во второй раз тащить его за шкуру, если он перестарается и сомлеет на полпути.

Впрочем, я недооценил его выдержку и ослиное упрямство. Корн все же выбрался из подвала на своих ногах и, выслушав короткий доклад от облегченно вздохнувшего Йена, так же коротко велел:

– Норриди, оставайтесь за старшего. На чердак и в подвал никого не пускать. К телам не прикасаться. Когда закончите с осмотром, немедленно ко мне.

– Так точно, – растерянно отозвался Йен. А когда Корн развернулся и довольно твердой походкой двинулся к выходу, тихонько у меня спросил: – Арт, в чем дело?

– Понятия не имею, – так же тихо ответил я. – Тащи сюда Триш и Тори – надо отвезти их в Управление. И еще я бы посоветовал тебе опечатать двери в подвал и на чердак. Поставить там по дежурному магу. И не снимать оцепление с дома, пока мы не разберемся, что произошло.

– Мне что, одному тут придется заканчивать? – озадаченно переспросил Норриди.

– Нет, я скоро вернусь.

– А с Корном что?

Я проводил уходящего шефа внимательным взглядом и поспешил его нагнать. После чего вышел на улицу, аккуратно сгрузил Хокк в первый попавшийся экипаж со значком глав-

ного сыскного Управления на дверце. Туда же положил так и не пришедшую в сознание Триш, которую Йен вынес на улицу на руках. Тори, как ни странно, к этому времени успел очухаться и выбрался из дома сам, хоть и с явным трудом. Но я все равно загнал его в кеб вместе с остальными. Аура у мальчишки выглядела слабой и тонкой, как никогда. И Фол знает, какие последствия останутся после пребывания на проклятом чердаке, так что пусть лучше его осмотрят целители. Так спокойнее.

Корн все это время с угрюмым видом стоял рядом, не обращая внимания на усилившийся дождь. Естественно, вымок до нитки, хотя в этом не было необходимости. Наверняка замерз. А когда магов загрузили в кеб, нагло уселся рядом со мной. На козлы. И всю дорогу до Управления молча там просидел, ни разу не возмущившись тем, что я не жалею бедную лошадь и бессовестно нарушаю скоростной режим.

Когда покрытый грязью кеб остановился перед Управлением, у дверей нас уже встречала целая бригада целителей, которых тот же Корн заранее предупредил по переговорнику. Триш и Хокк бережно подхватили под руки и унесли в лечебное крыло. Тори на негнущихся ногах ушел следом за ними. Корн, ни на кого не глядя, быстрым шагом направился в свой кабинет, по пути отдав несколько распоряжений и велел докладывать ему каждый час о состоянии здоровья магов. Ну а я... вместо того чтобы вернуться на место преступления, увязался за ним. Правда, тихо, осторожно. По темной стороне. Именно поэтому я сумел увидеть, с каким лицом шеф заходил в свой кабинет. И успел его подхватить, когда этот упрямый, кажущийся железным человек все-таки утратил над собой контроль и, неожиданно потеряв сознание, со всего размаху грохнулся на пол.

Глава 4

Целителя на помощь я звать не стал – Корн бы мне этого не простил. К тому же в его столе нашлось сразу три накопительных амулета, причем достаточной емкости, чтобы восполнить потраченные в подвале силы. Времени на это, правда, понадобилось немало – мне пришлось почти полсвечи проторчать в кабинете, дожидаясь, пока аура шефа вернет себе приличный вид. Но когда его веки дрогнули, предвещая скорое пробуждение, я все же не стал искушать судьбу – ушел. И поскольку уже пообещал Йену, то темной тропой вернулся в злополучный дом, чтобы более внимательно осмотреть чердак и обезглавленное тело, оставленное неизвестным убийцей.

К тому времени бытовики все же залатали поврежденную трубу. Но комфортнее после этого не стало, потому что под ногами при каждом шаге все равно хлюпала вода, и лишь наверху было более или менее комфортно.

Разумеется, Норриди был категорически против, чтобы я во второй раз туда совался. Но других темных магов в доме не осталось, ждать их прибытия не хотелось, а наспех выставленная светлыми защита препятствием для меня не являлась. Так что я внимательно исследовал не только чердак, но и темную сторону подвала. А когда закончил и ближе к полудню все-таки вынырнул в реальный мир, то обнаружил, что следователи уже закончили с осмотром и благополучно укатили в Управление, а в доме, кроме Йена, никого не осталось. Ну, если не считать терпеливо ждущего на темной стороне Мэла, стоящего на улице оцепления и дежурного мага из ГУССа, которого Норриди по моему совету все-таки решил не отпускать.

Разумеется, когда я вернулся, Йен высказал много «теплых» и «ласковых» слов по поводу моего отношения к приказам. И даже использовал при этом несколько новых выражений, что для него было нетипично. Впрочем, буянил он недолго, потому что прекрасно понимал – кому-то эту работу все равно пришлось бы делать. И раз уж преступление произошло на нашем участке и сразу трое темных магов по непонятной причине выбыло из строя, то почему бы эту работу не сделать мне? Тем более если нам все равно надо было достать оба трупа и отправить их на изучение в Управление.

Доложив в ГУСС по переговорнику, что с домом мы закончили, Норриди собрался на доклад к Корну, но совершенно неожиданно получил целых две свечи отсрочки. О причинах нам, естественно, никто не сообщил, но образовавшееся время я решил провести с пользой. И если Йен отправился к себе – разбираться с бумажками, то я дождался труповозки и прямо на ней вернулся в ГУСС, чтобы сдать тела в руки штатных трупорезов и снять наконец с Хокк привязку к собственной ауре.

К моему удивлению, она еще в себя не пришла, хотя дежурный целитель сказал, что волноваться не о чем. К Хокк он меня, естественно, не пустил, поэтому привязку пришлось обрывать несколько не по правилам. А вот с Тори побеседовать мне все-таки разрешили, поэтому, избавившись от трупов и подписав необходимые бумаги, я не поленился детально его расспросить, чтобы понять наконец, что же все-таки случилось в доме. Пока я работал с парнем, целитель сообщил, что Триш тоже пришла в себя и способна вынести небольшую беседу, поэтому, закончив с Тори, я заглянул в соседнюю комнату и пообщался с бледной, как поганка, девочкой. Которая, кстати, ужасно расстроилась, узнав, что ее наставница до сих пор находится без сознания.

– Она не должна была меня прикрывать, – горестно прошептала Триш, откинувшись на подушке. – Я ведь теперь полноценный мастер.

– Когда ты успела? – удивился я.

– На той неделе экзамен сдала. Значок на днях должны выдать. А Хокк...

– Жива твоя Хокк. Через пару деньков уже на ноги встанет.

– А как Тори? – шмыгнула носом Хелена.

– И он в порядке. Сказали, что утром отпустят домой. Его зацепило меньше всех.

– Скорее, позже всех, – вздохнула девчонка. – Он ведь последний туда зашел. И если бы Хокк смогла его вовремя выгнать, он бы не пострадал. А Норн не ушел, когда ему велели. Упрямый... дурачок. Решил, что мы без его помощи не обойдемся, а в итоге только хуже сделал. Вы уж поговорите с ним, мастер Рэйш: нельзя так себя вести на темной стороне. Если старший мастер отдал приказ...

Я хмуро кивнул.

Да, мальчишка здорово напортачил, не послушавшись Хокк сразу. Если бы он ушел, как было велено, Йен встревожился бы намного раньше. И меня позвал сразу, а не выжидал почти полсвечи. Так что мальчишка по делу получил от меня сегодня втык. И от Йена завтра выговор схлопочет. А то и от Корна до кучи, которого, кстати, уже пора было навестить.

– Отдыхай, поправляйся, – бросил я напоследок, обернувшись к удрученно поникшей девчонке. – И не вини себя – у тебя шансов выкарабкаться оттуда в одиночку не было. Но раз вы оба живы, значит, Хокк не зря собой пожертвовала. Хотя по большому счету она могла бы этого и не делать.

Да, раз уж Триш получила звание мастера и ее ученичество закончилось, то Хокк больше не несла за нее никакой ответственности. За Тори она тем более не могла отвечать: его упрямство – это наша головная боль. В смысле, моя и Йена. Но Хокк посчитала себя в ответе за детей. И вместо того чтобы оставить их наедине с Тьмой и самой сходить за помощью, она осталась с ними. И до последнего отпаивала собственными силами, надеясь... на что? Или на кого?

К сожалению, спросить пока было не у кого.

Зато наконец стало понятным, почему Корн считал возможным повесить на ее шею второго ученика. Освободившись от Триш, которую, судя по всему, шеф сделал уже не ученицей, а полноценной напарницей, Хокк вполне могла заняться малолетним Робертом Искадо. И пусть он не был полноценным магом, пусть от нее требовалось всего лишь научить мальчишку выживать на темной стороне, но действующий маг Смерти подходил для этой цели гораздо лучше, чем простой некрос или сидящий в кресле начальника, бесконечно занятый делами мастер Грэг Эрроуз.

Вероятно, герцог Искадо согласился на кандидатуру Хокк, исходя из того, что главной задачей нового учителя было не только научить юного лорда правилам поведения во Тьме, но и аккуратно подвести его к мысли, что темная сторона не для него. А кто лучше всех мог бы деликатно и ненавязчиво указать мальчишке на его слабости? Да еще так, чтобы он при этом не почувствовал себя оскорбленным? Конечно, женщина. Причем неглупая женщина, которая нашла бы способ сделать так, чтобы мальчик больше не стремился искать во Тьме запавшую ему в душу леди Мелани Крит.

Отдав должное изобретательности его сиятельства, я наконец покинул лечебное крыло и с чистой совестью поднялся на третий этаж. К Корну. И не особенно удивился, обнаружив, что к его кабинету подтянулся не только Йен, но и Грегори Илдж, и Грэг Эрроуз, и даже Хьюго Рош с южного участка. Более того, Йен зачем-то прихватил с собой Лизу Шарье, которая чувствовала себя здесь явно неуютно. И нервно сжимала в руках тонкую папку, в которой, похоже, находились ее выводы по поводу последнего убийства.

– Заходите, – наконец раздался из кабинета усталый голос Корна, и народ потихоньку потянулся внутрь.

Я, пропустив вперед Лизу и Норриди, зашел последним и тут же наткнулся на тяжелый, полный подозрения взгляд шефа. Но сделал вид, что не понимаю причины столь пристального внимания к своей персоне, и устроился в отдельно стоящем кресле у подоконника, куда Корну было очень неудобно поворачивать голову и откуда я мог следить за всем, что происходит в кабинете. В обоих, разумеется, мирах.

– Садитесь, – буркнул шеф, когда народ неуверенно замялся возле оставшихся кресел, не решаясь занять их без приказа. – Берите пример с Рэйша – он, по-моему, вообще с этикетом не знаком.

– Святая правда, – не моргнув глазом подтвердил я, когда Лиза удивленно покосилась в мою сторону. Остальные молча сели кто куда нашел и вопросительно уставились на хмурое, как грозовая туча, начальство. Корн, в свою очередь, посмотрел на Йена и коротко велел:

– Норриди, докладывайте.

– Прошлой ночью, примерно в первую свечу после полуночи, в Управление городской стражи поступил вызов из дома номер девять на Шестнадцатой улице, – послушно начал Йен. – Проживающая там пожилая леди пожаловалась на яркий свет в окнах первого этажа дома напротив, и это якобы помешало ей уснуть. Светопреставление длилось недолго – всего около десятой части мерной свечи, но леди все равно решила обратиться в городскую стражу и, хоть ничего плохого с виду не случилось, заявила о нарушении правопорядка.

Корн поставил локти на стол и, оперевшись подбородком на скрещенные ладони, прикрыл глаза.

– Почему она не дождалась утра, если, с ее слов, ничего плохого не произошло?

– Леди не поладила с новыми жильцами этого дома, – кашлянул Норриди. – И решила таким образом их проучить.

– Кто хозяева?

Йен выудил из-за пазухи стопку сложенных вдвое листов и подглядел в шпаргалку.

– Ирэн и Брюс Ольерди. Семейная пара. Ей слегка за сорок. Ему почти пятьдесят. Детей нет. Ранее проживали на севере Алтории. Согласно данным из Регистрационной палаты, приехали в город на постоянное место жительства около двух месяцев назад и сразу приобрели дом на Шестнадцатой.

– Раз по ним появились данные в Регистрационной палате, значит, кто-то из них маг?

– Леди Ирэн Ольерди отметилась как целитель. Средний по силе. Средний по возможностям. Прощения в Орден магов для предоставления постоянной работы не подавала, но ранее никаких криминальных действий ни за леди Ирэн, ни за ее мужем не фиксировалось. Хотя, если верить соседям, они не больно-то ладили друг с другом, и в последнее время из дома нередко доносились звуки ссор.

– Где они сейчас? – не открывая глаз, спросил Нельсон Корн.

– Неизвестно, – слегка поморщился Йен. – Согласно показаниям соседки, которой проводившийся целых два месяца ремонт действовал на нервы, хозяева покинули дом два дня назад, предварительно взяв кеб. Куда они отправились, она не знает – Ольерди были не слишком общительными соседями. А после того как пожилая леди закатила им скандал и потребовала проводить ремонт потише, и вовсе стали ее игнорировать.

Корн замедленно кивнул.

– Что вы еще узнали касательно дома и его хозяев?

– За те два дня, что прошли со времени отъезда Ольерди и вплоть до вызова в Управление, никаких происшествий на Шестнадцатой улице и в частности возле дома под номером восемь не происходило. Данные городской стражи по западному участку и показания жильцов соседних домов это подтверждают. Помимо всего прочего, леди Ультис... та пожилая леди, что не поладила с четой Ольерди... частенько поглядывала на их дом из окна. Я так полагаю, караулила момент, когда вернутся хозяева, чтобы еще раз потребовать от них прекратить шумные работы в послеобеденное время, когда старая леди изволит принимать дневной сон. При чем караулила их не только она – такой же приказ был дан служанке, которая следила за домом, когда хозяйка была вынуждена отвлечься. Но и она никого не видела – никто в дом за эти дни не входил, никто не выходил. Когда же прошлой ночью сквозь окно в спальне госпожи Ультис стал пробиваться свет, терпению леди пришел конец. И она отправила служанку в Управление

городской стражи в надежде, что беспокойным соседям хотя бы входную дверь сломают, когда будут рваться в пустой дом.

– Поскольку после дела Роберта Исадо в Управлении городской стражи все еще действует приказ об обязательном привлечении сотрудников УГС на все дела, подозрительные на использование магии, то вызов сразу поступил к нам. Дежурный следователь немедленно поставил в известность меня, и команда следователей прибыла туда ровно через четверть свечи после обращения... и почти сразу туда подъехали ваши люди.

– Все верно, – наконец соизволил открыть глаза Нельсон Корн и обвел тяжелым взглядом присутствующих. – А случилось это исключительно потому, что той же ночью на пост нашего дежурного поступил тревожный сигнал: в Орден магов прилетели два вестника, сообщив о гибели двух столичных магов. По тревоге были подняты сотрудники ГУССа. Дежурным магом установлена предположительная точка на карте, откуда могли быть отправлены вестники, поэтому на место преступления мы прибыли почти одновременно с вашей командой, Норриди. Поэтому же я велел вам работать совместно с нашими специалистами.

Я покосился на уставшее лицо шефа и невольно ему посочувствовал. Лето – самое проблемное время в любой государственной структуре. Лето – это время отпусков. Но в то же время никто не гарантирует, что в столице не случится какой-нибудь катастрофы. И если сотрудники разъехались по другим городам и странам, то на срочный вызов, само собой разумеется, отправятся те, кто окажется поблизости. Даже если они только что сменились с дежурства и благополучно дрыхли после долгого трудового дня. Да что там говорить! В этой ситуации даже высокому начальству приходится спуститься с небес на землю и заняться работой обычного следователя, потому что людей даже в ГУССе попросту не хватало.

Вот, выходит, почему он полез в подвал сам, а не поручил это скользкое дело кому-то попроще?

– У вас еще есть что сказать, Норриди? – осведомился Корн, когда в комнате воцарилась тишина.

Но Йен неожиданно мотнул головой. А затем со своего кресла поднялась ужасно смущающаяся Лиза Шарье.

– Если позволите, я немного дополню...

Корн сделал разрешающий знак.

– Спасибо, – тихонько вздохнула девчонка и раскрыла папку, принявшись перебирать лежащие там листы. – Поскольку мы были первыми, кто вошел в дом, думаю, будет нелишним поделиться впечатлениями. Итак...

Она нашла наконец тот лист, который искала, и нервно сжала его в руке.

– Уровень магического фона вокруг дома на момент приезда составлял всего семнадцать с половиной единиц. Это на две с половиной единицы выше, чем в среднем по району. Внутри дома этот показатель оказался повышен до тридцати семи единиц, причем колебания на первом, втором и третьем этажах оказались совсем незначительными. Тогда как в подвале и на чердаке... это данные, которые мы получили при замерах у входа... там насыщенность магического фона составила целых девяносто четыре единицы.

– В обоих случаях? – впервые подал голос Грегори Илдж.

– Да, – кивнула Лиз, и вот тогда Илдж быстро переглянулся с Рошем и Эрроузом. – Цифры абсолютно одинаковые, хотя магия на чердаке и в подвале использовалась противоположная по знаку.

– Полярные заклятия¹? – тихо бросил в пустоту Рош и выразительно покосился на Корна.

Шеф мрачно зыркнул из-под насупленных бровей.

---

¹ Полярные заклятия – разновидность светлых и темных боевых заклинаний высшего уровня, отличающихся высокой поражающей способностью. Официально запрещены к использованию Орденом магов. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Лиза, вы закончили?

– Нет, шеф, – мотнула головой девушка. – Поскольку внутри вы запретили нам заходить, то данных о насыщенности магического фона по подвалу и чердаку у меня нет. Ни один прибор, включая кристаллы записи и визуализаторы, рядом с этими двумя помещениями не работали – там оказалось слишком много помех. Одна из записывающих линз и вовсе вышла из строя. Однако другие помещения нам все-таки удалось осмотреть, и оказалось, что на внутренней поверхности стен и на перекрытиях всех трех этажей сохранились старые... вероятно, оставшиеся еще после прежних владельцев... защитные заклинания.

Вот теперь на девчонку посмотрели все.

– Мы проверили по базе, кто владел домом до Ольерди, – снова смутилась она, оказавшись на перекрестье взглядов. – И выяснили, что в последние десять лет там никто не жил. При этом дом был записан на имя некоего Роджера Эстиори, проходящего по документам как совладелец суконной мастерской, расположенной на левобережье. Однако когда я отправила соответствующий запрос, то оказалось, что владельцем является совсем другой человек. А на господина Эстиори в нашей базе нет не то что никаких данных – там даже не указано, что он вообще существует. Ни записи о дате его рождения, ни данных в палате Регистрации, ни сведений о родителях или детях... так что, по-видимому, господин Роджер Эстиори – миф. И тем не менее у этого мифа имелось немало недвижимости в столице.

Корн встрепенулся:

– Где именно?

– Мы нашли еще пять домов, когда-то зарегистрированных на это имя, – тихо сказала Лиза и заглянула в другой листок. – По одному в восточном, южном и северном участках Алтира. Один в центральном районе. Еще один дом оказался куплен в пригороде столицы. Где-то на севере. И еще я узнала, что все эти дома были проданы... с разными интервалами: от двух до десяти лет назад... и теперь у них совсем другие владельцы.

– Настоящие? – уточнил Грэг Эрроуз.

– Да, мастер, – кивнула Лиз. – Насколько я успела выяснить, теперь в этих домах проживают самые обычные люди.

– Нам нужны адреса! – одновременно выдали Рош, Илдж и Корн.

Я мысленно похвалил сообразительную девчонку, а Лиз тем временем положила на стол шефа тот самый лист, который так долго держала в руке. Но вместо того чтобы вернуться на место и сесть, ожидая заслуженную похвалу от начальства, она неожиданно задержалась и снова кашлянула.

– Вы нашли что-то еще? – с резко возросшим интересом посмотрел на нее Корн.

– Я взяла на себя смелость проверить, нет ли между этими людьми какой-то связи, – кивнула магичка. – Конечно, времени было мало, и я не все успела посмотреть. Но как минимум одно сходство у этих людей имеется.

– Какое же?

– Во всех семьях, что проживают сейчас в этих домах, есть светлые маги, – тихо сказала Лиза. И вот тогда у меня что-то неприятно царапнуло в душе, а на лице Корна проступило странное выражение.

– Что вы сказали?! – едва слышно переспросил он, воззрившись на девчонку как на привидение.

Лиз нервно отступила на шаг.

– Светлые, господин Корн. В каждой такой семье есть как минимум один светлый маг примерно того же уровня, что и леди Ирэн Ольерди.

– Они еще живы?! – свистящим шепотом осведомился шеф, впившись в девчонку таким взглядом, что та испуганно попятилась.

– Я-а-а... не знаю. Я пока не все выяснила.

– Илдж!

– Я узнаю, – быстро проговорил начальник восточного участка и, подскочив с кресла, умчался в коридор. Но через некоторое время вернулся и успокоенно доложил: – Данных о смертях по этим адресам в ближайшие пару лет не поступало. Ни по магам, ни по обычным смертным.

– Хорошо, – снова прикрыл глаза Корн. – Норриди, пусть ваши ребята попытаются выяснить, кто и когда поставил на доме Ольерди защитные заклинания. Илдж, Рош, дайте ему людей – на западном участке не хватает специалистов. На чердак и в подвал пока не заходить. В том числе и по темной стороне. А остальные дома возьмите под круглосуточное наблюдение. И выясните все, что можно, об их бывших и нынешних владельцах.

– Сделаем, – синхронно наклонили головы темные маги. А когда Лиз, которой Корн знаком разрешил вернуться на место, снова села, Рош все же рискнул уточнить:

– Нел, ты думаешь, что скоро надо будет ждать еще смертей?

Корн прерывисто вздохнул.

– Сегодня ночью в Орден, как я уже сказал, прилетело два вестника Смерти. И один из них, если кто не догадался, принадлежал леди Ирэн Ольерди. Полагаю, это ее тело мы привезли с Шестнадцатой улицы. А второй вестник принадлежал твоему коллеге – Дертису Эрсу, которого я лично на той неделе отправил в отпуск и который клятвенно мне пообещал, что раньше, чем через месяц, он в Управлении не появится.

Я замер.

Кто? Дертис?! Не тот ли это некрос, который когда-то приходил меня арестовывать? Неглупый такой мужик слегка за пятьдесят? Бывший напарник Криса, которого пару месяцев тому уколошил умрун? Если так, то теперь я понимаю, почему Корну сейчас так невесело. Двойное убийство. Прямо как тогда. И одной из жертв снова стал сотрудник главного Управления...

– Теперь я хочу послушать тебя, Рэйш, – неожиданно оборвал мои размышления Нельсон Корн, и все головы в кабинете, как по команде, развернулись в мою сторону. – Ты ведь уже побывал в лечебном крыле? Взял показания у коллег?

Я настороженно кивнул.

– Тогда, будь добр, изложи свои выводы. Тем более ты единственный, кто сумел не только войти на чердак, но и безнаказанно оттуда выйти. А еще ты единственный, кто смог устоять после этого на ногах. И мне крайне интересно узнать, как именно ты это сделал.

Глава 5

Подниматься с кресла, как Лиз, я не стал – незачем. Да и оказавшееся за спиной окно пришлось более чем кстати – бьющий с улицы свет бросал густую тень на мое лицо, так что в некотором роде я был защищен от чужого любопытства. По крайней мере, считывать мои эмоции коллегам было не слишком удобно.

О том, что очередь на этом собрании обязательно дойдет и до меня, я, естественно, тоже догадывался, поэтому последние две свечи занимался не только тем, что уточнял картину произошедшего. Правда, прежде чем ответить Корну, я все же помедлил, просчитывая про себя все нюансы. А когда открыл рот, то повел речь не о том, что ожидал услышать наш общий шеф.

– Если не возражаете, я бы хотел начать с момента, когда на чердак вошли мастера Хокк, Триш и Норн. Разговор с Триш и Норном я записал на кристалл, но в моем изложении это будет выглядеть намного короче. Показаний Хокк у меня нет, – на всякий случай добавил я. – Она еще не в состоянии разговаривать. Но думаю, что смогу дополнить пробелы в рассказе Триш и Норна, и картина получится почти полной.

Корн, подумав, кивнул:

– Мы тебя внимательно слушаем.

– Насчет визуализаторов и записывающих кристаллов повторяться не буду – на чердаке они попросту отказались работать. Насыщенность магического поля в помещении тоже измерить не удалось. По той же причине. Однако у Тори был с собой амулет правды. Естественно, в защитном чехле, который, как вы знаете, способен выдержать напряженность магического поля в двести пятьдесят единиц. Опасным для мага считается уровень в двести единиц, так что защита на чехол накладывалась с запасом. Тем не менее после непродолжительного пребывания на чердаке амулет попросту сгорел вместе со всеми остальными приборами, которые имелись в тот момент у Хокк, Триш и Тори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.